
IN MEMORIAM

Ольга Альбертовна Светлакова
(06.01.1956 – 20.02.2026)

Ольга Альбертовна родилась в целинном поселке в Казахстане, в семье учителей-словесников. Закончив школу в Алма-Ате, в 1974 г. приехала в Ленинград, училась на испанском отделении, а затем в аспирантуре филологического факультета ЛГУ, где под руководством З.И. Плавскина защитила диссертацию «Художественное время и пространство в романе Сервантеса «Дон Кихот»».

Через этот основополагающий для европейской культуры роман Ольга Альбертовна смотрела на историю литературы. А нам, ее студентам-филологам, казалось, что и сама она немножко Дон Кихот и в ее жизни многое происходит по-донкихотовски. Помню, в 1998 г., она говорила испанистам-третьекурсникам: «Я должна прочитать вам спецкурс по «Дон Кихоту», но вам важнее узнать об испанской литературе Золотого века, так что попробуем совместить две задачи и рассмотрим Золотой век через призму романа Сервантеса».

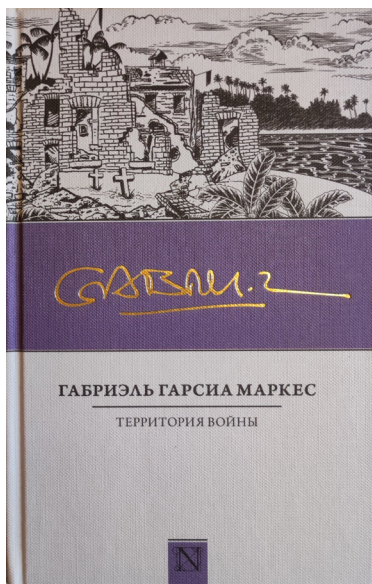
Монография Ольги Альбертовны «„Дон Кихот“ Сервантеса. Проблемы поэтики» (Изд-во СПбГУ, 1996) начинается

с таких слов: «Уже давно не мы читаем Сервантеса, а он читает нас, с терпеливой и грустной улыбкой ожидая достойного собеседника...». Всей своей жизнью, служением испанистике и филологии в целом Ольга Альбертовна стала этим достойным собеседником. Она не написала больше книг, частично из скромности (как и грамматики Пор-Рояля, она считала местоимение первого лица единственного числа неприличным), частично потому, что всю себя отдавала препода-

вательской работе, огромной педагогической нагрузке, руководству студентами и аспирантами, подготовке лекций, которыми много лет вдохновлялся весь филфак. Она не ограничивалась преподаванием: была секретарем Комиссии по комплексному изучению культуры народов Пиренейского полуострова и Латинской Америки при Научном совете по истории мировой литературы РАН (1998–2011), членом Ассоциации испанистов России, Международной Ассоциации сервантистов (1991–2008) и Европейской Ассоциации латиноамериканистов, членом Программного комитета Международной филологической («мартовской») конференции на филологическом факультете СПбГУ (2011–2015), бессменным организатором ежегодных Сервантесовских чтений в Ленинграде / Санкт-Петербурге (1986–2011), членом редколлегий «Литературы двух Америк».

Тридцать пять лет Ольга Альбертовна проработала доцентом на кафедре зарубежных литератур СПбГУ. Она читала очень разные по хронологии, географии и тематике курсы: «История зарубежной литературы Средних веков и Возрождения», «История испанской литературы XVI–XVIII вв.», «Типология жанров», «Историческая поэтика жанров», «Рецепция русской литературы за рубежом», «Античные традиции в западноевропейской средневековой литературе», «История литературы Латинской Америки». Она выпустила несколько поколений испанистов:

лингвистов, литературоведов, переводчиков; вырастила кандидатов наук, была чутким, внимательным руководителем, бережно и уважительно направляя и помогая, позволяла своим подопечным проявлять себя.

В 2010–2020-х О.А. Светлакова переводила Рамиро де Маэсту, Хулио Кортасара, Хорхе Луиса Борхеса, Сантьяго Пахареса, Карлоса Руиса Сафона, Мануэля Вакеса Монтальбана, Лидию Кабрера, Габриэля Гарсиа Маркеса. Эссе Маркеса стали ее любимой переводческой работой.

Ольга Альбертовна является автором более 100 научных работ об испанских, европейских и латиноамериканских писателях, соредактором некоторых важных публикаций по испанистике: «Iberica. К 400-летию романа Сервантеса “Дон Кихот”» (2005) и «Восемь комедий и восемь интермедий» Сервантеса (в серии «Литературные памятники», 2011). Круг ее научных интересов был широк: теория романа и, в целом, историческая поэтика жанров, творчество Сервантеса, испанская литература Золотого века, латиноамериканский роман XX в., переводоведение. Независимо от темы и литературного периода, которым она посвятила исследования, ее тексты склоняются к бахтиниянскому кругу проблематики, а также тяготеют к школе исторической поэтики ИМЛИ (С.С. Аверинцев, А.В. Михайлов и др.).

Стремление вникать в мельчайшие детали и в то же время способность к интересным и глубоким обобщениям делали ее ярким лектором: ее лекции на филфаке, в Академии художеств, а в 2016–2019 и публичные выступления (они сохранились в записи благодаря проекту «Прагмема») собирали залы. Для многих людей, слушавших ее, она была Учителем с большой буквы: учителем литературы и учителем жизни. Да и разделяла ли она эти две сферы? Рассматривая титанические фигуры Данте, Рабле, Сервантеса и Шекспира, она начинала лекцию с того,

что писатель ел на завтрак или от какой болезни умер. Каждого значимого автора она ставила в контекст национального литературного процесса его страны и одновременно рассматривала европейскую культуру Нового времени в целом. Ольга Альбертовна учила через эти крупные фигуры видеть тотальность, через великое взглянуть в повседневное и, напротив, через малое разглядеть большое, а по сути, не противопоставлять и не разделять. Пожалуй, это — главный завет, доставшийся мне от научного руководителя.

В ней была широкая образованность и глубокая мудрость, но, наверное, самым необычным для современного ученого было понимание, которым она щедро делилась, что все это — лишь первый шаг к человечности.

А.В. Фомичева

* * *

Памяти друга

Бывает, что человек, родившийся вне Петербурга, понимает душу города даже лучше, чем местные обитатели. Ольга Светлакова, с которой я имела счастье познакомиться в аспирантуре, не раз представлялась мне духом Петербурга. Красавица, скользящая по мраморам, паркетам и коврам Публички, корявым полам факультета и пескам, устилающим пронизанные недружелюбными ветрами берега залива, — везде она была как дома. Но дома у нее, в сущности, долго не было: приходилось ютиться в периодически сменяющихся углах. Вне зависимости от обстоятельств, порой лиминальных ситуаций, она не теряла царственной осанки и философского настроения: помогали глубина и широта ее взгляда, принципиальная позиция наблюдателя. И все же, думаю, самую большую роль играла доброта, не столь уж часто встречающаяся у склонных к злоязычию гуманитариев. Она была способна видеть в живой жизни как классические сюжеты, архетипические характеры, так и уникальные, а потому драгоценные черты. В моей жизни, кажется, не было лучшего собеседника. Продолжаю беседовать, не вижу причины прерывать внутренний диалог...

Светлая память!

Ирина Головачева

* * *

С моих девятнадцати примерно лет я живу под крылом Ольги Альбертовны. Первое впечатление — как и у всех, кто вспоминает ее, — было сокрушительным: твоя жизнь менялась навсегда и отныне соотносилась с тем, что могла бы подумать о следующем твоём шаге Ольга Альбертовна. Это касалось не только профессии, хотя, подобно ее любимому Кеведо, про которого Борхес сказал, что он не писатель, а литература, она была, скорее, не литературоведом, а самим литературоведением. Учиться и подражать хотелось всему: статьи, речи, ходу мысли, манере письма, звонкому смеху, бурной радости от каких-то, в сущности, пустяков, дисциплине в работе, щедрости, вниманию ко всем нам, ученикам и коллегам. Это чувство, эта внутренняя оглядка не покидает меня и, надеюсь, не покинет и в будущем. D.E.P.

Дарья Синицына